

Мурзилка 1961/09

Детский журнал

УДК 82-1--053.2
ББК 84-5
М91

М91 Мурзилка 1961/09: Детский журнал / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-458-40907-0

Один из лучших детских журналов в СССР

ISBN 978-5-458-40907-0

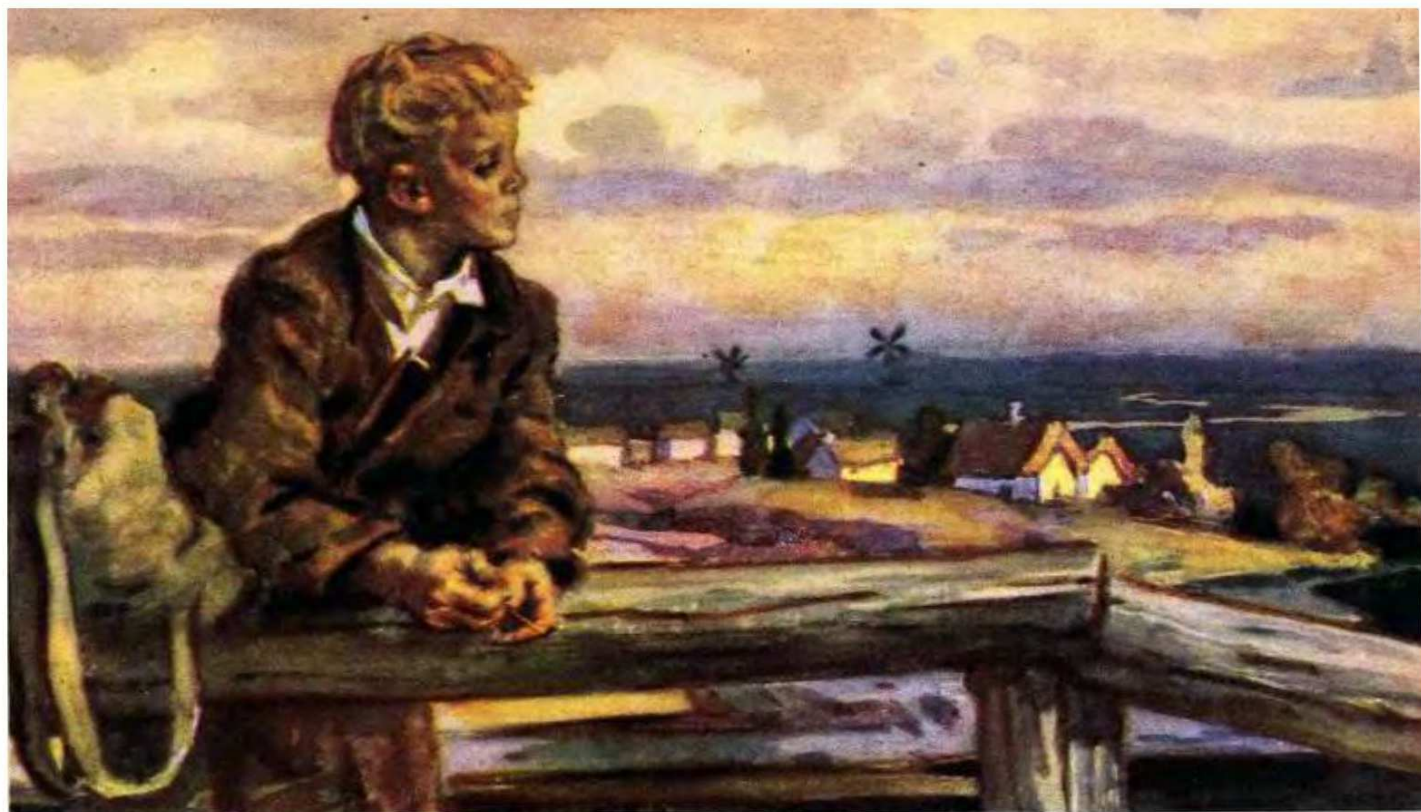
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДЕТСТВО ТАРАСА

Дмитро КРАСИЦКИЙ

Рис. О. КОРОВИНА

*Из книги о великом украинском поэте
Тарасе Григорьевиче Шевченко*

солнце сегодня как будто и всходило не так, как всегда. Не успело оно заглянуть сквозь окно в хату, как Тарас подхватился с постели, наскоро оделся. Мать подарила его улыбкой. Она говорила, словно пела. Слова её были такие ласковые, нежные. Голубые глаза светились, морщинки разгладились. И лицо выглядело совсем молодым. Мать суежилась — ведь сынок сегодня впервые пойдёт в школу, в науку к дьяку Рубану.

Вот и дед Иван переступил порог. Поздоровался.

— Ну ладно! Я вижу, что Тарас уже собрался. Так, может, и пойдём, чтобы не опоздать?

Тарас только того и ждал. Мать пригласила ему чуб, надела новую шапку, купленную в Вильшане, повесила через плечо сумку, куда был положен букварь.

— Счастья тебе, сынок, с лёгкой руки деда Ивана, учись хорошенько!

Дед Иван мерял палкой улицу, быстро шагая прямиком к выгону. Тут, среди выгона, стояла одинокая хата дьяка Рубана.

Увидев через окно Ивана Шевченко, который шёл с мальчиком в школу, дьяк вышел к ним навстречу.

— Здравствуйте, с понедельником вас! — поздоровался дед. — Вот я вам, пан дьяк, в науку хлопца привёл.

— А, это сын Григория Шевченко? Заприметил, заприметил. Это тот, что пел «Лугом иду, коня веду»? Хороший певец, хороший... — дьяк смотрел на Тараса, а тот стоял, мямля в руках шапку и не знал, куда деть глаза, куда спрятать руки. — Ну, коли так, принимаем в школу.

Дьяк открыл дверь и пропустил Тараса в сени.

— Проходи, проходи в хату. Там уже есть такие, как ты.

Тарас из сеней вошёл в небольшую хату. Посредине стоял стол с двумя скамейками. Около стен — лавки. Налево — печь без лежанки, на стене — полка для посуды. А в углу сверху донизу иконы: одни чёрные, даже трудно разглядеть, что на них нарисовано, другие блестящие, как в церкви.

Ребята обрадовались, что пришёл Тарас, а больше всех обрадовался Данило Бондаренко, верный его друг. Ребята сразу подняли спор между собой, где сядет Тарас. Школа могла вместить лишь десяток учеников, хотя мальчиков в селе была не одна сотня. Девочек совсем не учили.

Открылась дверь, и в школу вошёл дьяк Павло Рубан.

Тарас стоял среди хаты, а ребята так и прилипли к скамейкам, склонившись над столом.

Куда сядет Тарас?

— Данила, подвинься! Вот твоё место, садись! — сказал дьяк Тарасу, и урок начался.

— Аз! Буки! Веди!

Трудна грамота, а дед наказывал: приглядывайся, запоминай. Тарас весь напрягся — так ему хотелось скорее научиться читать, писать и рисовать.

* * *

Недолго пришлось Тарасу ходить в школу. Умерла любимая мать, отец женился на сварливой, глупой женщине.

И Тарасово ученье кончилось. Он остался дома: пас скотину, помогал по хозяйству.

Так прошло несколько лет.

Мачеха не любила Тараса. Всё ей было плохо, всё ей было мало.

Один раз, в воскресенье, мачеха пришла из церкви в хорошем настроении.

— Тарас, приберись, сейчас к нам пан дьяк придёт.

И правда, вскоре пришёл дьяк Петро Богорский. Он поздоровался с мачехой, сел за стол, угостился вишнёвой наливкой и вкусно пообедал. Мачеха всё угощала:

— Ешьте на здоровье, прошу вас.

А дьяка и так от миски за уши не оттащишь.

— Ну, так где же ваш Тарас?

— Да вот он, пан дьяк... — и вытащила парнишку из-за печки на середину хаты.

— Подойди ко мне, дитя, — сказал дьяк, подставив руку, чтобы Тарас поцеловал.

От руки пахло свечками и ладаном.

— Пойдёшь ко мне жить. Хозяйство у меня немалое, работа найдётся. За свиньями, за коровами, за лошадьми глядеть будешь, рожь будешь молотить. А зимой учить тебя дальше псалтырю буду и писать научу.

Когда дьяк заговорил про лошадей, коров и свиней, у Тараса защемило сердце. Но при последних словах, хотя дьяк и сказал их тихо, у мальчика засияли глаза. Ради грамоты он на край света пошёл бы.

— Что ж, пойдёшь ко мне?

— Пойду.

— А слушаться меня будешь?

— А как не послушается, пан дьяк, так у вас может, найдётся вишнёвая розга?

— За этим дело не станет: и вишнёвая и берёзовая каша будет.

— То-то, Тарас, слушайся пана дьяка, он на добро тебя направит и всякой работе научит. Он у нас, пан дьяк, не ленивый, что хочешь сделает. Только беда — упрямый, как бык, и с книжкой не расстанется. Книжка ему мозги забивает.

— Это неплохо, если книжку любит. Книжка веселит сердце, как вот эта наливочка, — дьяк смаковал уже из второй бутылки сладкий напиток.

— Собирайся, Тарас! Пойдём ко мне! С этого часа ты уже мой батрак.

По улице Кирилловки широко шагал пан дьяк, а за ним рысцей бежал Тарас. К сердцу он прижимал большую книгу — псалтырь, а в другой руке держал котомку со своей одеждой — всё свое богатство.

...Началось житьё Тараса в людях. Целый день он работал, а спать ложился на жёстком полу, без подушки, положив кулак под голову. В животе бурчал вчерашний кулеш, а чаще всего ложился Тарас голодным. Дьяк, бывало, говорит: «Сытый человек неповоротлив, а ты, Тарас, волчком кружишься — зачем тебе еда?»

Так и жил Тарас, забывая про еду.

Первое, что задал дьяк, — это молотить просо, ячмень, овёс.

Долго Тарас не умел орудовать цепом, не слушался его цеп, так и норовил хлопнуть по лбу. Легче было молотить катком. Раскидает на току толстым слоем просо, запряжёт пару лошадей в каменный круглый каток и кружит целый день, пока зерно не высыплется; потом подберёт солому, полову и зерно. Снова настелет снопов да и гоняет лошадей по кругу.

Так, глядишь, вёрст сорок и отшагаешь по току за день. Рук не чувствуешь, ноги как не твои, в спине будто кол торчит. Вечером даже и есть не хочется, и измученный молотильщик припадёт к земле и спит крепким сном.

Настала зима, а работы у Тараса по-прежнему по горло. Надо накормить скотину, напоить, навоз выкинуть, между делом снег разместить,

дров нарубить, печку истопить, корму свиньям отнести. Так с утра и до вечера в работе. Некогда и за книжку сесть, а охота была большая почитать псалтырь.

На часок зайдёт Тарас в комнату-школу к друзьям, почитает немножко. А дьяк снова гонит на работу. «Пойди принеси, отнеси, почисти, поруби, подай!» — только и слышал Тарас.

Гудит сердитый ветер, рвёт обшарпанные полы свитки маленького дьякова батрака, который несёт скотине воду из колодца. Подпоясанный полинявшим красным поясом свитка, видно чей-то обносок, свисает с его худеньких плеч.

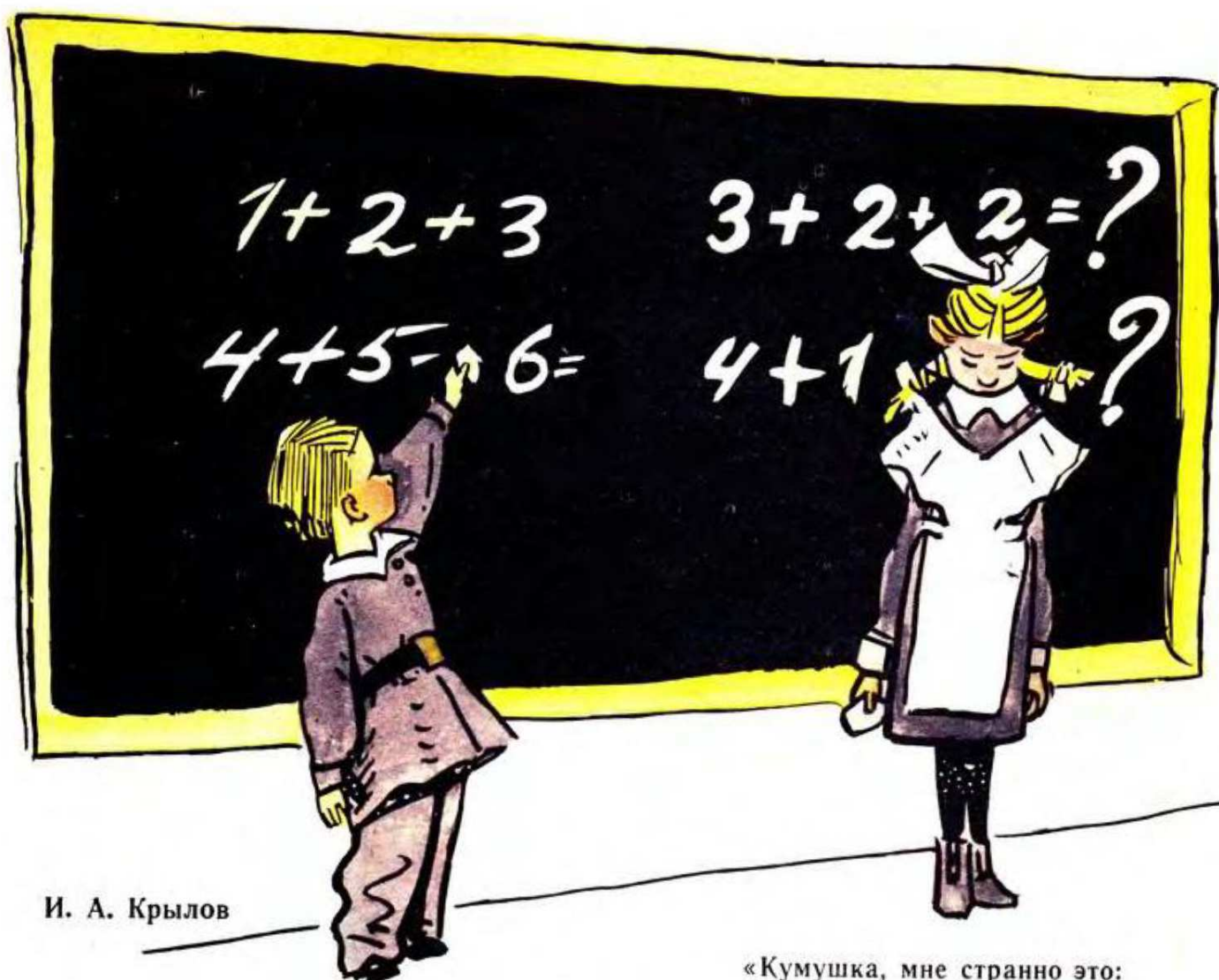
Из-за пазухи выглядывает какая-то книжка в кожаном переплёте — может быть, часослов. Облезлая овечья шапка, верно дедова, налезает на глаза. Рваные сапоги напоминают гусиную лапу.

Большие вёдра чуть не половину колодца зачерпнули, копыто гнулось под ними, врезалось в плечи так, что руки деревенели.

Трудно было Тарасу. Задумается иногда над своей долей, тяжело вздохнёт. И загудит, завоет сердитый ветер, будто сочувствует этому тяжёлому вздоху бесталанного сироты.

Перевела с украинского
Л. ВОРОНКОВА

И. А. Крылов

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой,
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!»

«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило».
«А так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела».
«Ты всё пела? Это дело:
Так поди же, попляши!»

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мұка.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, — судить не нам;
Да только воз и ныне там.

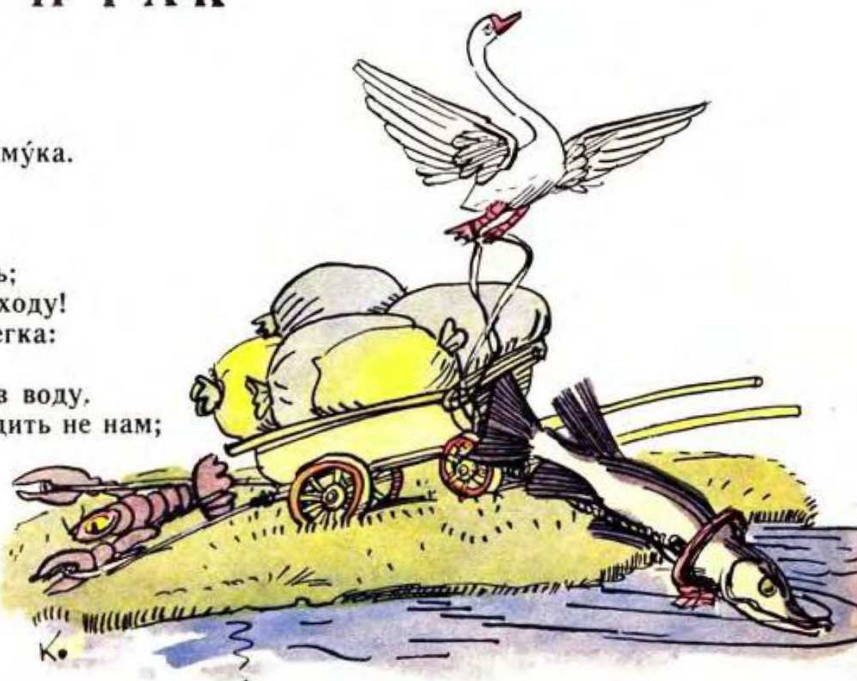

Рис. А. КАНЕВСКОГО

О словах Разнообразных.

Яков КОЗЛОВСКИЙ
Рис. В. ЧИЖИКОВА

Сев в такси,
Спросила такса:
— За проезд
Какая такса?

А водитель:
— Денег с такс
Не берём совсем.
Вот так-с!

Говорили тиграм львы:
— Эй, друзья,
слыхали ль вы,
Что не может носорог
Почесать свой нос о рог?

Солнце прячется за бор.
Котофей Иванович
Залезает на забор,
Прогуляться на ночь.

Рад-радёшенек Егорка,
Услышавший треск стекла:
Пролилась на стол касторка,
Со стола на пол стекла.

Много ль вёрст проскачешь в день —
Широки просторы.
Ну-ка, ногу в стремя вдень,
Дай гнедому шпоры!

На виду честного люда
Трусит с горки съехать Люда,
А у Сани, а у Сани
С горки сами
Мчатся сани!

Из книги „О словах разнообразных, одинаковых, но разных“

ОДИНАКОВЫХ, НО

РАЗНЫХ

Отвели на Турцию,
Парк осенний гол.
Не обыграть нас Турция:
Вбиваем третий гол!

Стрела, остра и зелена,
Растёт на грядке лука.
К тому же так пряма она,
Что хоть пускай из лука.

Хороша у Алёны коса,
И трава на лугу ей по косу.
Скоро лугом пройдётся коса:
Приближается время к покосу.

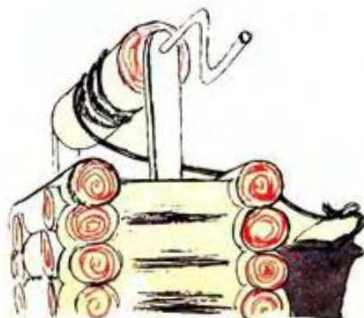

Возвращаясь под вечер с поля,
Потеряла серёжку Поля.
Ту серёжку нашёл Серёжка,
Прибежал,

постучал в окошко:
— Отыскалась твоя серёжка!

В размышлениях о кошке
Посидел он на окошке,
Посмотрел на потолок,
Воду в ступе потолок.

Тили-бом, тили-бом,
Загорелся кошkin дом.
По такому поводу
Кот помчался по воду.

ЧЕТЫРЕ ФОТОГРАФИИ

Перед тобой четыре фотографии. На них сфотографированы дети — твои ровесники, но живут они не в Советском Союзе, а в разных странах мира.

1. Представь себе: утром ты встал и собираешься в школу. А тут твоя мама говорит: «Сегодня в школу не пойдёшь. Будешь на улице продавать газеты, в доме не осталось денег на еду!»

Вот бы ты удивился!

А этот маленький мальчик ничуть этому не удивляется. Он живёт в небольшой северной стране Исландии и, как многие исландские мальчики, зарабатывает деньги продажей газет.

Он стоит с тяжёлой пачкой свежих газет. Эх, как хочется ему побыстрее продать эти газеты, вернуться домой, напиться горячего кофе и лечь спать!

Нелегко ведь каждый день вскакивать с постели в шесть утра и нестись по городу под дождём, или в мороз, или в сильный ветер.

2. Эта девочка живёт в городе Новый Орлеан, в Соединённых Штатах Америки. Она идёт в школу. В самую обыкновенную школу. Но почему же тогда её охраняет полиция в полном вооружении, в касках!

Дело в том, что эта девочка идёт в школу, где дети белых и негров учатся вместе: сидят за одной партой, играют в одном дворе, едят в одном буфете. А многим «белым» американцам это не нравится. Они не хотят, чтобы их дети дружили с неграми.

Полиции приходится охранять девочку, потому что многие из тех, кто ненавидит негров, могут задержать её или даже избить.

3. Кто из вас не слышал про остров Кубу, про отважных кубинских революционеров и их вожда, бородастого богатыря Фиделя Кастро!

Эти они принесли кубинцам свободу, а их детей отправили в школы.

Раньше, до революции, дети простых рабочих, крестьян, рыбаков не учились.

1

2

4. Эти три девочки — японки. Видно, они хорошие девочки, потому что заботятся о своих младших братьях и сёстрах. Видишь, они по японскому обычаю носят их на спине. Но только все девочки стоят к нам спиной. Им не до фотографа, который их снимает. Они смотрят на школьный двор: там играют в какую-то очень интересную игру школьники.

Вот бы им тоже поиграть! Но в школу их никто не пустит, они все не учатся. У них нет денег, чтобы платить за школьные занятия. Да и маленьких не с кем оставить дома.

3

4

Андрей ШМАНКЕВИЧ

Рис. А. ЕЛИСЕЕВА,
М. СКОБЕЛЕВА

СУХИЕ СЛЁЗЫ

Вы думаете, моему тёжке Андрейке мало лет? Ошибаетесь. Ему уже стукнуло пять, а через полгода стукнет ещё раз, и будет уже шесть.

А что такое шесть лет? Это уже почти первоклассник! Это уже не лей слёз по всякому пустяку. И Андрейка не лил слёз по пустякам. Можете спросить у мамы. Вот недавно взялся он рукой за горячую сковородку с картошкой. Плакал он тогда? Нет... Они, конечно, были, слёзы, в самых уголках глаз, но Андрейка не пустил их дальше.

— Ой! — сказал он и хватился пальцами за мочку уха.

Так научила его делать бабушка, когда приезжала в гости. Хватишься за ушко — не будет ожога. Весь жар перебежит в мочку, и сразу легче станет.

Со сковородкой случай произошёл на старой квартире, ещё когда они жили на Таганке в маленьком деревянном доме, в одной комнатке за кухней. На Таганке везде было тесно: в комнате тесно, на кухне тесно, во дворе тесно, в переулке две машины еле разъезжались; детский сад,

куда ходил Андрейка, был тоже маленьким: всего пять комнат, и только детский парк имени Пряникова был, как казалось Андрейке, беспредельно просторным; кусты и деревья в нём было трудно пересчитать. Кто-то говорил, что их было чуть ли не сто, а другие уверяли — около тысячи.

Но когда они переехали на новую квартиру и Андрейка впервые глянул в окно, то увидел сразу столько деревьев, что запрыгал от радости.

— Ой, мама! Значит, мы как в деревне теперь жить будем? Прямо в лесу?

— Это не лес, а такой большой парк... Измайловский. Гуляй в нём, сколько твоей душеньке угодно... — сказала мама.

Андрейкиной душеньке захотелось гулять в парке немедленно. Однако мама повела его не в парк, а в новый детский сад.

— Гулять ты будешь ходить вместе со всеми ребятами из детсада, — сказала она.

Новый детский сад был не в доме, в котором жильцы живут, а в одноэтажном красивом домике, стоявшем за большими домами, у самого парка, так что любопытные ветки деревьев заглядывали к ребятам в окна. Это очень понравилось Андрейке, и он сказал маме:

— Мы всё время будем в парк ходить. Только ты не бойся, что я буду там бояться. Меня сегодня во сне большая собака видела, и я ни капельки не забоялся...

Мама похвалила Андрейку за храбрость, открыла дверь, и они вошли в приёмную детсада. И тут вдруг на Андрейку напала робость. Он не ожидал, что в новом детском саду всё будет так незнакомо. Ему думалось, что внутри дома будет всё так же, как и там, на Таганке. Переехали вот они на новую квартиру, так ведь и все вещи с ними переехали. Переехала Андрейкина кровать, мамина кровать, шкаф, диван, даже кошка Мурка переехала. Одни со-

